Armenische Dialectologie. Von Levon Mseriantz.

Левонъ Мсеріанцъ

Приватъ-Доцентъ Императорскаго Московскаго Университета.

АРМЯНСКАЯ ДІАЛЕКТОЛОГІЯ.

(Рѣчь передъ защитой магистерской диссертаціи: „Этюды по Армянской діалектологіи, I", въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 28 сентября 1897 года).

Оттискъ изъ „Этнографическаго Обозрѣнія" кн. XXXVI.

МОСКВА.

Типо-лит. К.Ѳ. Александрова, Арбатъ, бл. Арбатскихъ вор., д. Платонова.

1898.

Ар V
2514

491.99(Ар)
М-89
11 9 99

Armenische Dialectologie. Von Levon Mseriantz.

Левонъ Мсеріанцъ

Приватъ-Доцентъ Императорскаго Московскаго Университета.

АРМЯНСКАЯ ДІАЛЕКТОЛОГІЯ.

(Рѣчь передъ защитой магистерской диссертаціи: „Этюды по Армянской діалектологіи, I“, въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 28 сентября 1897 года).

Оттискъ изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“ кн. XXXVI.

14504

МОСКВА.
Типо-лит. К. Ѳ. Александрова, Арбатъ, бл. Арбатскихъ вор., д. Платонова.
1898.

Գրադարան
Գոս. Պուբլ. Գրադ.
ՀՍՍՀ-ՍՍՀ
Ակադ. Մասնաճյուղ
Գրադարան

Дозволено цензурою. Москва, 11 марта 1898 г.

(11631-50)

2514-99

ЗВ 2487

АРМЯНСКАЯ ДІАЛЕКТОЛОГІЯ.

Исторія ея изученія, методъ и задачи въ связи съ ея значеніемъ для исторіи армянскаго языка [1]).

Было время—и оно не очень далеко отошло отъ насъ, — когда языкъ армянскаго народа считался языкомъ иранскимъ или точнѣе принадлежащимъ къ языкамъ иранской вѣтви индо-европейской семьи языковъ. Иранство армянскаго языка стояло внѣ сомнѣній; это былъ догматъ равно обязательный для лингвиста и этнографа, для историка и географа. Да оно и не могло быть иначе. Лингвистическіе пріемы и наблюденія пока еще были настолько примитивны и недостаточны, что основныя различія между иранскими языками (авестійскимъ, древнеперсидскимъ и др.) и языкомъ армянскимъ оставались незамѣченными. Съ другой стороны, могучіе культурно-историческіе факторы, содѣйствовавшіе иранизаціи Арменіи, такъ близко придвигали Арменію къ Ирану, что пришлый иранскій элементъ, такъ сказать налетъ иранства въ армянскомъ языкѣ, былъ принятъ за элементъ туземный, за нѣчто органическое. И только за послѣднюю четверть вѣка, когда сравнительное языковѣдѣніе стало уже на твердую ногу, начали замѣчать такіе лингвистическіе факты, которые не могли мириться съ догматомъ объ иранствѣ армянскаго языка. Мало по малу выяснилось, что армянскій языкъ не только не иранскій по своему происхожденію, но что онъ даже менѣе имѣетъ общихъ чертъ съ язы-

[1]) Рѣчь передъ защитой магистерской диссертаціи („Этюды по Армянской діалектологіи. Ч. I") въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, 28 сент. 1897 г.

ками арійскаго Востока (т. е. съ языками Ирана и Индіи). нежели съ языками европейскими. Это открытіе было сдѣлано однимъ изъ первыхъ современныхъ иранистовъ и арменистовъ — профессоромъ Страсбургскаго Университета Г. Гюбшманомъ (H. Hübschmann)[1]. Здѣсь я не имѣю намѣренія излагать исторію полемики, возникшей между сторонниками иранства армянскаго языка и ихъ противниками. Я ограничусь только заявленіемъ, что въ настоящее время армянскій языкъ признается всѣми языкомъ самостоятельной вѣтви индо-европейской семьи.

Я съ намѣреніемъ началъ свою рѣчь этимъ небольшимъ экскурсомъ въ исторію сравнительно-историческаго изученія армянскаго языка.

Основное положеніе, а именно — что армянскій языкъ не иранскій, но членъ или представитель самостоятельной вѣтви уже само по себѣ придало особую важность изученію армянскаго языка. Мы имѣемъ, въ самомъ дѣлѣ, единственнаго представителя ново-открытой вѣтви, существованіе которой прежде не подозрѣвали! Мы имѣемъ новый матеріалъ для реконструкціи индо-европейскаго праязыка. Само собою понятно, сколь тщательно долженъ быть изученъ этотъ единственный сохранившійся представитель цѣлой вѣтви, это единственное звено, уцѣлѣвшее изъ цѣлой цѣпи! И, дѣйствительно, арменисты уже не мало сдѣлали для выясненія исторіи армянскаго языка; передъ нами мы имѣемъ цѣлый рядъ работъ, трактующихъ о различныхъ вопросахъ сравнительной фонетики и морфологіи древне-армянскаго языка. Достаточно назвать имена Фр. Мюллера, Лагарда, Гюбшмана, Бугге, Бартоломэ, Мелье (Meillet) и др.

Но для выясненія физіономіи пра-армянскаго или обще-армянскаго языка (т. е. языка эпохи, предшествовавшей по-

[1]) См. его статью „Ueber die Stellung des armenischen im Kreise der indogerm. Sprachen“ въ Zeitschrift'ѣ Куна (т. XXIII). Здѣсь проф. Гюбшманъ показалъ, что армянскій языкъ принадлежитъ къ самостоятельной вѣтви индо-европейской семьи языковъ, вѣтви занимающей промежуточное положеніе между вѣтвями арійскою (индо-иранскою) съ одной стороны и балтійско-славянскою (иначе литовско-славянскою) съ другой (pp. 39, 42=pp. 37, 40 отд. отт.). См. также его Armenische Studien, I (Leipzig, 1883), pp. 82—83.

явленію отдѣльныхъ армянскихъ діалектовъ) конечно одного изученія древне-армянскаго литературнаго языка, такъ называемаго *грабара*[1]), недостаточно. Для этой цѣли должно быть предпринято изученіе живыхъ современныхъ діалектовъ армянскаго языка. Это изученіе, въ связи съ изученіемъ грабара, и дастъ возможность современемъ приступить къ построенію обще-(или пра-)армянскаго языка. Въ этомъ отношеніи пока, къ сожалѣнію, сдѣлано очень немного; изъ многочисленныхъ армянскихъ діалектовъ *лингвистически* изучены только слѣдующіе: діалектъ польскихъ Армянъ, діалектъ Агулисскій (такъ называемый языкъ Зоковъ), Ахалцыхскій, Тифлисскій, Марашскій. Теперь появляется моя работа о діалектѣ Мушскомъ, т. е. о діалектѣ города Муша и прилегающихъ къ нему мѣстностей въ вилайетѣ Битлиса (въ Турецкой Арменіи). Такимъ образомъ, вы видите, что армянская діалектологія находится еще въ зародышѣ и предстоитъ еще не мало работы, пока большинство діалектовъ будутъ изучены и станутъ достояніемъ науки. Тогда только выяснится и взаимное отношеніе между діалектами и станетъ возможною самая ихъ классификація, а затѣмъ и построеніе обще-армянскаго языка.

Обративъ вниманіе на значеніе изученія ново-армянскихъ діалектовъ для исторіи армянскаго языка вообще, я хотѣлъ бы вкратцѣ сдѣлать *обзоръ исторіи армянской діалектологіи*. Этотъ обзоръ мы должны начать съ V вѣка нашей эры, когда, по преданію, неизвѣстнымъ лицомъ была переведена и приспособлена къ армянскому языку грамматика Діонисія Ѳракійскаго. Анонимный переводчикъ пользовался фактами армянскихъ діалектовъ, когда ему приходилось переводить тѣ мѣста греческаго подлинника, гдѣ рѣчь шла

[1]) *Грабаръ* по армянски означаетъ—*письменная рѣчь*. Этотъ древне-армянскій литературный языкъ извѣстенъ въ памятникахъ начиная съ V в. по Р. Х. „Грабаръ“, какъ и всякій иной литературный языкъ, представляетъ собою, до извѣстной степени, явленіе искусственное. Имѣя въ своемъ корнѣ какой-то народный діалектъ опредѣленной эпохи, онъ подвергся литературной обработкѣ и, сдѣлавшись органомъ письменности, застылъ въ извѣстныхъ канонизированныхъ формахъ. (Срв. древне-индійскій литературный языкъ—Санскритъ.) Выясненіе діалектологической основы грабара есть дѣло будущаго

также о греческихъ діалектахъ. Далѣе, въ XIV столѣтіи арм. писатель и грамматикъ Іоаннъ Ерзнкаци (Ерзнкійскій), составившій сводный комментарій, на основаніи трудовъ своихъ предшественниковъ, къ армянской редакціи грамматики Діонисія Ѳракійскаго, приводитъ (изъ грамматика Степаноса) названія семи армянскихъ діалектовъ (Корчайскій, Тайскій, Хутайскій, діалектъ IV-й Арменіи, Сперскій, Сюнійскій, Арцахскій), которые онъ характеризируетъ особымъ именемъ прилагательнымъ *„эзэракан“*, т. е. крайніе, лежащіе на окраинахъ, пограничные, какъ бы желая этимъ выдвинуть первенство Араратскаго діалекта, называемаго имъ *„миджэркреа“* т. е. средиземнымъ (находящимся въ центрѣ другихъ діалектовъ), и *„останик“*, т. е. столичнымъ, царскимъ, придворнымъ. Больше, насколько намъ извѣстно, у арм. грамматиковъ и писателей мы не имѣемъ спеціальныхъ извѣстій объ армянскихъ діалектахъ. Только иногда у того или другого писателя мы встрѣчаемъ мимоходомъ разрозненныя свѣдѣнія о говорѣ той или другой армянской области, причемъ этотъ говоръ характеризируется всегда съ точки зрѣнія древне-арм. литературнаго языка (такъ называемаго грабара). Смотря на послѣдній какъ на эстетическое мѣрило, писатели, говоря о мѣстныхъ говорахъ, называютъ ихъ непріятными, грубыми, непонятными. Для армянскихъ классиковъ народные говоры, діалекты представляютъ лишь искаженіе грабара — письменной, литературной рѣчи; впрочемъ, даже въ сравнительно недавнее время еще находились среди армянскихъ и европейскихъ ученыхъ такіе, которые не иначе смотрѣли на взаимное соотношеніе народныхъ діалектовъ и древне-литературнаго языка. Насколько высоко стояла репутація грабара, можно видѣть даже изъ того обстоятельства, что проф. К. П. Паткановъ, въ своемъ изслѣдованіи *О составѣ армянскаго языка*, вышедшемъ въ 1864 г., говоря противъ происхожденія изъ этого грабара отдѣльныхъ арм. діалектовъ и указывая на важность изученія послѣднихъ, спѣшитъ оговориться, что онъ вовсе не думаетъ уменьшать значеніе самого грабара, т. е. древне-литературнаго арм. языка (Изсл. о составѣ арм. яз., стр. XVII).

Обращаясь къ трудамъ ученыхъ новаго времени, мы впервые находимъ свѣдѣнія объ отдѣльныхъ особенностяхъ нѣкоторыхъ армянскихъ діалектовъ у голландскаго ученаго начала прошлаго вѣка — *Іоганна Шрёдера* (Iohann Schröder), въ его замѣчательномъ трудѣ — Thesaurus linguae armenicae (Амстердамъ, 1711). Въ этой капитальной «сокровищницѣ» мы находимъ особый отдѣлъ, озаглавленный Synopsis linguae civilis Armenorum, въ которомъ I. Шрёдеръ (одинъ изъ первыхъ арменистовъ Европы) представилъ краткую грамматику одного изъ восточныхъ діалектовъ. Этому Synopsis'у предпослано довольно интересное предисловіе, гдѣ мы встрѣчаемся съ попыткою выяснить отношеніе новыхъ армянскихъ діалектовъ къ древнелитературному языку. Свой Synopsis Шрёдеръ сопровождаетъ нѣсколькими текстами, представляющими діалоги на нѣкоторыхъ восточныхъ арм. діалектахъ (агулисскомъ и др.). Эти нѣсколько страницъ въ настоящее время представляютъ для насъ особую цѣнность, ибо являются наиболѣе старыми образчиками нѣкоторыхъ современныхъ арм. діалектовъ. (См. Паткановъ, Изсл. о діал. арм. яз., стр. 53; Саргсянцъ, Агул. діалектъ, стр. 22, слд.). Далѣе, въ 1-й главѣ этого Synopsis'а (De orthographia) мы имѣемъ любопытныя указанія на нѣкоторыя фонетическія особенности отдѣльныхъ арм. діалектовъ съ попыткою иллюстрировать ихъ съ помощью новыхъ европейскихъ языковъ (англ., франц. и др.). Болѣе интересныя и подробныя свѣдѣнія объ армянскихъ діалектахъ мы находимъ затѣмъ въ книгѣ арм. ученаго начала текущаго столѣтія — у Шагана-Чирбета, перваго профессора по каѳедрѣ армянскаго языка въ Парижѣ, именно въ его обширной Grammaire de la langue Arménienne, изданной въ Парижѣ, въ 1823 году. Въ этомъ трудѣ авторъ дѣлаетъ общій очеркъ нѣкоторыхъ современныхъ ему армянскихъ діалектовъ, останавливаясь на выдающихся особенностяхъ и характеристичныхъ чертахъ каждаго изъ нихъ.

Послѣ труда Шаганъ-Чирбета, слѣдуя хронологическому порядку, мы должны назвать появившееся въ 1852 г. въ Москвѣ прекрасное изданіе пѣсенъ армянскаго народнаго пѣвца (ашуха) конца прошлаго вѣка — Саят-Нова, изданіе, которымъ мы обязаны д-ру медицины *Геворгу Ахвердьянъ*. Быть можетъ покажется нѣсколько страннымъ слышать о докторѣ медицины, под-

визающимся въ области діалектологіи, но явленіе это имѣетъ свои основанія. Съ начала 50-тыхъ годовъ (или нѣсколько раньше) среди армянской интеллигенціи пробуждается интересъ къ народу: начинается изученіе народнаго быта, обычаевъ, преданій, языка и т. д. Это стремленіе «этнографически» изучать народъ не ограничилось людьми, которыхъ оно могло ближе всего касаться; этимъ дѣломъ заинтересовались почти всѣ наличныя культурныя силы армянской интеллигенціи, Это движеніе не могло миновать и такого высокообразованнаго человѣка, какимъ былъ г-нъ Ахвердьянъ, врачъ по своей спеціальности. Его изданіе пѣсенъ ашуха Саят-Нова могло бы сдѣлать честь любому филологу-фолклористу: оно было снабжено краткимъ, но толковымъ очеркомъ формъ тифлисскаго діалекта, на которомъ написаны эти пѣсни народнаго пѣвца, и, кромѣ того, каждая пѣснь сопровождается обстоятельнымъ филологическимъ комментаріемъ. Но этимъ не ограничивается заслуга Г. Ахвердьянъ передъ армянскою діалектологіей. Въ своемъ введеніи онъ коснулся вопроса о древне-армянскомъ литературномъ языкѣ (=грабарѣ) и его отношеніи къ народнымъ діалектамъ: мысли, высказанныя здѣсь г-мъ Ахвердьянъ почти полвѣка тому назадъ, таковы, что подъ ними смѣло могъ бы расписаться любой лингвистъ конца XIX столѣтія.

Резюмируя изложеніе введенія Г. Ахвердьянъ, мы находимъ у него слѣдующія положенія:

1) Народные діалекты не представляютъ искаженія грабара, т. е. древне-армянскаго литературнаго языка.

2) Армянскіе діалекты произошли изъ общаго первоначальнаго армянскаго языка, существовавшаго въ древнѣйшую эпоху.

3) Древне-арм. письменный языкъ (грабаръ)—это одинъ изъ народныхъ діалектовъ, получившій литературную обработку, благодаря извѣстнымъ условіямъ (будучи языкомъ жрецовъ, двора и пр.); разговорнымъ, живымъ языкомъ онъ никогда не былъ, и для пониманія его требовалось, какъ и теперь, предварительное изученіе въ школахъ. При этомъ Г. Ахвердьянъ предполагаетъ, что, быть можетъ, діалектъ, легшій въ основу грабара, былъ именно такой, который сохранилъ въ большей чистотѣ особенности первоначальнаго армянскаго языка (т. е, языка обще-армянскаго).

4) Діалектами, которые могли бы лечь въ основу грабара, по мнѣнію Г. Ахвердьянъ, могутъ считаться діалекты провинціи Айраратской и Таронской области, въ виду того значенія, которое обѣ страны имѣли въ исторіи Арменіи.

Для исторіи армянской діалектологіи особенно важно отмѣтить «Критическую Грамматику ново-армянскаго литературнаго [Константинопольскаго] нарѣчія» (на арм. яз.), принадлежащую перу маститаго аббата вѣнскихъ Мхитаристовъ—Арсена Айдынянъ (Вѣна, 1866). Въ этомъ трудѣ авторъ занялся изученіемъ арм. народной рѣчи, начиная съ первыхъ ея слѣдовъ, наблюдаемыхъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ, написанныхъ на древне-литературномъ языкѣ.

Наконецъ, мы переходимъ къ трудамъ покойнаго профессора Вост. Фак. Имп. С.-Петербургскаго Университета К. П. Патканова, къ трудамъ, составляющимъ эпоху въ исторіи армянской діалектологіи. *Проф. Паткановъ можетъ, по истинѣ, считаться основателемъ научнаго изученія арм. діалектовъ.* Еще въ своей магистерской диссертаціи «*Изслѣдованіе о составѣ Армянскаго языка*» (СПБ. 1864) петербургскій арменистъ высказалъ нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о значеніи изученія армянскихъ діалектовъ (См., напр., стр. XIII, XVI—XVII предисловія). Затѣмъ, въ своемъ филологич. опытѣ—*Изслѣдованіе о діалектахъ арм. языка*, СПБ. 1869, — онъ представилъ краткіе очерки отдѣльныхъ армянскихъ діалектовъ, свѣдѣнія о которыхъ были получены имъ со стороны. Здѣсь авторъ намѣтилъ общіе пути, по которымъ должно итти изученіе арм. діалектологіи, выяснилъ ея капитальное значеніе для изученія армянскаго языка вообще, установилъ правильную точку зрѣнія на отношеніе новыхъ діалектовъ къ древне-литературному языку и выставилъ нѣкоторыя desiderata, къ сожалѣнію еще до сихъ поръ не всегда являющіяся осуществленными. Кромѣ только что упомянутаго изслѣдованія объ арм. діалектахъ, Керопэ Петровичъ издалъ два выпуска діалектическихъ текстовъ, одинъ (1875) съ образчиками діалекта Нахичеванскаго (на Дону), другой (1875)—Мушскаго,

и наконецъ въ Monatsbericht Берлинской Академіи Наукъ помѣстилъ (1866) этюдъ объ Агулисскомъ діалектѣ.

Дѣло, начатое проф. Паткановымъ, не заглохло. Въ 1883 г. появился почтенный трудъ армянскаго ученаго Саргиса Саргсянцъ, въ которомъ авторъ представилъ фонетику и морфологію Агулисскаго діалекта (иначе — языка Зоковъ), сопроводивъ ихъ многочисленными текстами, собранными на мѣстѣ имъ же самимъ. Это, можемъ смѣло сказать, была первая ученая монографія, трактовавшая объ извѣстномъ діалектѣ и долженствовавшая открыть собою серію другихъ подобныхъ же монографій. Первый опытъ начался при добрыхъ предзнаменованіяхъ: книга С. Саргсянцъ была съ радостью встрѣчена въ ученомъ мірѣ и, какъ ученое изслѣдованіе, была признана удовлетворяющею требованіямъ науки. Особенно въ этомъ трудѣ автору удалась морфологія; что же касается фонетики, то, сравнительно съ морфологіей, она представляется не столь разработанною и обстоятельною.

Нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1886 г.) въ Краковѣ появился трудъ молодого доцента сравнит. грамматики и санскрита въ вѣнскомъ университетѣ, Яна Гануша (Jan Hanusz)—O języku Ormian Polskich. Въ этомъ трудѣ, появившемся сначала въ XI т. трудовъ Краковской Академіи Наукъ, польскій лингвистъ, къ сожалѣнію слишкомъ рано похищенный для науки смертью, представилъ довольно обширный списокъ словъ, собранныхъ среди галиційскихъ Армянъ, сопроводивъ ихъ польскимъ и французскимъ переводами и сопоставивъ съ соотвѣтствующими словами грабара и другихъ ново-армянскихъ діалектовъ. Со слѣдующаго же года на страницахъ новаго лингвистич. журнала Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes началось печатаніе и самаго изслѣдованія Гануша о фонетикѣ польско-армянскаго діалекта подъ заголовкомъ: «Beiträge zur armen. Dialektologie». Въ этомъ прекрасномъ трудѣ авторъ исходною точкою принялъ звуки самого польско-арм. діалекта; отъ нихъ онъ восходитъ къ звукамъ древне-армянскаго литературнаго языка (грабара), сопоставляя каждое отдѣльное слово польско-арм. діалекта съ соотвѣтствующимъ грабарнымъ.

Послѣ трудовъ Гануша мы должны назвать обѣ работы

А. И. Томсона (нынѣ проф. сравнит. языковѣдѣнія и санскрита въ Одессѣ). Первая изъ нихъ, вышедшая въ 1887 г. („Лингвистическія изслѣдованія"), заключала „краткій очеркъ фонетики и морфологіи Ахалцыхскаго діалекта". Въ этомъ трудѣ авторъ держался той же системы, какъ и Ганушъ, т. е. восходилъ отъ звуковъ и формъ ахалц. діалекта къ звукамъ и формамъ грабара. Но во второмъ трудѣ („Историч. грамматика современнаго арм. языка г. Тифлиса". СПБ. 1890), посвященномъ обстоятельному описанію Тифлисскаго діалекта, авторъ измѣнилъ систему въ своемъ изслѣдованіи: въ фонетикѣ онъ уже исходитъ отъ звуковъ грабара къ звукамъ тифлисскаго діалекта, т. е. разсматриваетъ, какіе звуки въ тифлисскомъ діалектѣ соотвѣтствуютъ извѣстному звуку грабара. Методъ этотъ наиболѣе удобный и цѣлесообразный при настоящихъ обстоятельствахъ, и объ немъ намъ еще предстоитъ говорить. Особенность того и другого труда проф. Томсона заключается въ томъ, что авторъ не довольствуется установленіемъ соотношеній между звуками и формами извѣстныхъ діалектовъ съ одной стороны и грабара съ другой,—но пытается также выводить формы обще-армянскаго языка, изъ котораго уже произошли отдѣльные діалекты. Попытка эта, при настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній по армянской діалектологіи, является если не преждевременною то, во всякомъ случаѣ, очень смѣлою.

Наконецъ, въ 1896 г., въ ученомъ органѣ вѣнскихъ Мхитаристовъ „Handes Amsorya" начался печатаніемъ (съ февральскаго №-а) этюдъ по фонетикѣ Марашскаго (въ Зейтунѣ) діалекта, принадлежащій перу молодого армениста Меликъ-Давидъ-Бега. Авторъ пользовался, при этомъ, указаніями парижскаго профессора—лингвиста A. Meillet. На этомъ этюдѣ я заканчиваю обзоръ трудовъ по армянской діалектологіи, появившихся до выхода въ свѣтъ моей работы о Мушскомъ діалектѣ, къ которой я теперь и обращаюсь.

Трудъ, который я представилъ на судъ историко-филологическаго факультета Имп. С.-Петербургскаго Университета, составляетъ плодъ моихъ трехлѣтнихъ занятій. Его содержаніемъ служитъ сравнительная фонетика Мушскаго діалекта въ связи съ фонетикою грабара, т. е. древне-

армянскаго литературнаго языка [1]). Изученіе Мушскаго діалекта для меня постоянно представлялось дѣломъ особенно заманчивымъ и въ то же время очень важнымъ для исторіи арм. языка вообще въ виду значенія, которое имѣетъ въ исторіи Арменіи Мушская страна. Мушская страна — древняя армянская область Таронъ (въ Великой Арменіи), прославлена древними армянскими писателями какъ одна изъ наиболѣе цвѣтущихъ областей Арменіи. Страницы исторіи этой области полны героическихъ воспоминаній изъ политической и религіозной жизни Армянъ. Достаточно упомянуть, что эта Таронская область была удѣломъ феодальнаго рода Мамиконянъ. Когда возгорѣлась религіозная война съ Персіей, Сасанидскіе цари которой стремились къ полной иранизаціи Арменіи, однимъ изъ доблестныхъ защитниковъ національной церкви выступилъ Варданъ изъ рода Мамиконянъ. Въ интеллектуальномъ развитіи Арменіи Таронская область играла чуть ли не первенствующую роль; изъ нея вышли многіе сподвижники въ дѣлѣ просвѣщенія Арменіи. какъ-то: св. Месропъ, составитель новаго армянскаго алфавита, „отецъ армянской исторіи“ Моисей Хоренскій и мн. др. Въ этой же странѣ находился Яштишатъ, городъ знаменитый своими религіозными культами въ языческую эпоху Арменіи. Въ виду всего этого я склоненъ былъ вѣрить, что быть можетъ въ языкѣ этой Таронской страны надо искать основу древне-армянскаго литературнаго языка.

Впрочемъ, мысль о возможности поисковъ началъ грабара въ діалектѣ Мушской (Таронской) страны была высказана еще задолго до меня. Почти полвѣка тому назадъ извѣстный армянскій ученый, г-нъ Ахвердьянъ, во введеніи къ своему уже упомянутому изданію пѣсенъ тифлисскаго ашуха Саят-Нова высказалъ, какъ мы видѣли, мнѣніе о значеніи и важности діалекта Таронской области и Айраратской провинціи (т. е. діалектовъ Мушскаго и Айраратскаго) въ виду тѣхъ фактовъ изъ исторіи Арменіи и исторіи Армянской литера-

1) „Этюды по Армянской Діалектологіи. Ч. I. Сравнительная фонетика Мушскаго діалекта въ связи съ фонетикою Грабара. Москва 1897 г., pp. XXIV+146“. Къ нимъ „Дополненія и исправленія (М. 1897), p. IX“.

туры, которые традиціонно и исторически связаны съ обѣими этими странами.

Территорія Мушскаго діалекта пока не можетъ быть опредѣлена съ точнымъ обозначеніемъ своихъ границъ. Но, во всякомъ случаѣ, территорія, отведенная этому діалекту проф. Патканoвымъ какъ въ его „Изслѣдованіи о діалектахъ Арм. языка“ (p. 103), такъ и во 2-мъ вып. „Матеріаловъ для изученія арм. нарѣчій“ (p. II), слишкомъ велика и должна быть въ значительной степени сужена. Мы, на основаніи нашихъ свѣдѣній, опредѣляемъ территорію изучаемаго нами діалекта приблизительно такъ: Мушскій діалектъ (именно тотъ, матеріалы по которому мы собрали) это—діалектъ города Муша и прилегающихъ къ нему мѣстностей, т. е. діалектъ Мушской равнины—„Мышу дашт“ въ древней Таронской области Туруберанской провинціи Великой Арменіи (нынѣ Мушскій Салджанъ, Битлисскаго вилайета).

До меня Мушскимъ діалектомъ занимался К. П. Патканoвъ, который издалъ въ 1875 г. второй выпускъ „Матеріаловъ для изученія армянскихъ нарѣчій“, въ которомъ напечаталъ нѣкоторые тексты на Мушскомъ діалектѣ и далъ краткія свѣдѣнія о фонетическихъ и морфологическихъ особенностяхъ этого діалекта. Но, къ сожалѣнію, изданные имъ тексты не всегда заключаютъ въ себѣ образчики чистаго Мушскаго діалекта, вслѣдствіе чего въ очеркѣ фонетики мы находимъ приписанными Мушскому діалекту такія явленія, какія въ немъ не имѣютъ мѣста. (См. «Этюды по Арм. діалектологіи», ч. I §§ 160, 212). Если я позволяю себѣ упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, то, конечно, не съ цѣлью набросить тѣнь на славную память незабвеннаго профессора, который самъ былъ введенъ въ заблужденіе неточною орѳографіей имѣвшихся въ его распоряженіи текстовъ, большинство которыхъ было имъ перепечатано изъ изданій другихъ фолклористовъ [1]).

1) По своей фонетикѣ Мушскій діалектъ принадлежитъ къ группѣ „восточныхъ“ діалектовъ, если позволительно удержать эту несовсѣмъ точную традиціонную терминологію. Нѣкоторыми арменистами этотъ діалектъ отождествлялся съ діалектомъ Ванскимъ; заблужденіе это, которому уплатилъ дань и я, было

Когда я началъ изучать эти тексты, то сразу почувствовалъ все ихъ неудобство для лингвистическихъ цѣлей, для которыхъ, впрочемъ, они и не предназначались. Фолклористы мало обратили вниманія на фонетическую сторону языка и записали тексты примѣнительно къ орѳографіи литературнаго ново-армянскаго языка, такъ что звуковыя діалектическія особенности остались скрытыми. Въ виду этого я рѣшилъ оставить совершенно эти тексты и лично изъ устъ народа собрать новые, записавъ ихъ научною латинскою транскрипціей.

Конечно, разъ я желалъ изучать живую рѣчь Мушцевъ, мушскаго населенія, то я долженъ былъ отправиться въ Мушъ, въ Битлисскій вилайетъ Турецкой Арменіи. Это разумѣется само собою. Но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать я не могъ въ виду тѣхъ затрудненій и даже опасностей, которыя сопряжены съ научными занятіями въ предѣлахъ Оттоманской имперіи; я думаю, что извѣстный случай съ однимъ профессоромъ-славистомъ слишкомъ хорошо памятенъ въ ученомъ мірѣ и, поэтому, мнѣ нѣтъ необходимости распространяться на эту тему [1]). Не имѣя возможности производить свои изслѣдованія на мѣстѣ, я рѣшилъ отправиться въ Закавказскій край, гдѣ, какъ мнѣ было хорошо извѣстно, находилось не мало мушскихъ переселенцевъ. Такихъ лингвистическихъ экскурсій я совершилъ двѣ, лѣтомъ 1894 и 1895 г. Работая въ Тифлисѣ, Батумѣ, Эривани и Эчміадзинѣ, я собралъ извѣстное количество текстовъ, на основаніи которыхъ и написанъ мой трудъ о фонетикѣ Мушскаго діалекта, составляющій первую часть моихъ *„Этюдовъ по Армянской діалектологіи“*. Разумѣется, работа не на родинѣ самого діалекта должна сказаться невыгодно на моемъ трудѣ: очень часто я нахожусь въ недоумѣніи относительно того или другого вопроса и явленія, на что, конечно, съ полнымъ правомъ сдѣлаютъ мнѣ указанія мои критики и рецензенты. Будемъ надѣяться,

вызвано близостью Мушскаго діалекта къ Ванскому въ морфологическомъ отношеніи; однако по своимъ фонетическимъ особенностямъ какъ Мушскій, такъ и Ванскій представляютъ два отдѣльныхъ діалекта.

[1]) На трудности, сопряженныя съ научными занятіями въ Турціи, указываетъ и I томъ Извѣстій Русскаго Археологич. Института въ Константинополѣ.

что будущій изслѣдователь окажется счастливѣе меня и будетъ имѣть возможность произвести свои наблюденія на самой родинѣ Мушскаго діалекта. Я не сомнѣваюсь, что тогда мой трудъ будетъ и исправленъ и дополненъ во многихъ отношеніяхъ.

Перехожу теперь къ *методу* моей работы, методу, который можетъ считаться общимъ для всякаго подобнаго діалектологическаго этюда и который былъ уже успѣшно примѣненъ моими предшественниками (Томсономъ и др.). Я, именно, свожу всѣ фонетическія явленія Мушскаго діалекта къ грабару, т. е. къ древне-арм. литературному языку, сопоставляя съ каждымъ звукомъ грабара его мушскія корреспонденціи (соотвѣтствія). При настоящемъ состояніи нашихъ свѣдѣній по армянской діалектологіи этотъ пріемъ является единственно-раціональнымъ способомъ изученія исторіи армянскихъ діалектовъ. Этимъ способомъ весь діалектическій матеріалъ сводится къ извѣстнымъ единицамъ и, такимъ образомъ, облегчается путь къ конечной цѣли изученія армянской діалектологіи—*къ сопоставленію всѣхъ арм. діалектовъ между собою и возстановленію, путемъ сравнительнаго метода, обще-армянскаго языка* (т. е. языка той эпохи, которая предшествовала появленію отдѣльныхъ арм. діалектовъ). Но, конечно, съ научной точки зрѣнія такой методъ можно оспаривать, ибо иногда дѣло можетъ принять такой характеръ, какъ будто мы отождествляемъ грабаръ съ обще-армянскимъ языкомъ, тогда какъ самый грабаръ, какъ искусственный литературный языкъ, заключаетъ въ своей основѣ одинъ изъ діалектовъ, получившихъ литературную обработку. Не смотря на это, *пока* (я дѣлаю особое удареніе на этомъ словѣ) ради несомнѣнныхъ удобствъ мы должны держаться этого метода.

Излагая соотвѣтствія каждому звуку грабара въ Мушскомъ, я считалъ нелишнимъ предпосылать особый §-ъ, въ которомъ излагается *генетическая исторія этого грабарнаго звука*, т. е. разсматривается, какому звуку или какимъ звукамъ индо-европейскаго праязыка онъ соотвѣтствуетъ. Такимъ образомъ, я возвожу исторію звуковъ Мушскаго діалекта—черезъ посредство грабара—до индо-европ. праязыка.—Далѣе, я считалъ нужнымъ обратиться къ изученію *чередующихся*

или параллельныхъ звуковъ въ самомъ грабарѣ. Этому изученію параллельныхъ написаній въ грабарныхъ рукописяхъ я придаю особенную важность. Я не сомнѣваюсь, что современемъ, когда изученіе древне-армянскихъ рукописей съ лингвистической точки зрѣнія станетъ на твердую ногу, окажется возможнымъ открыть слѣды древнѣйшихъ діалектовъ. Лично я рукописями занимался не особенно много; такъ, я изучилъ нѣкоторыя древнѣйшія рукописи библіотекъ Мхитаристовъ въ Венеціи и Вѣнѣ[1]), о нѣкоторыхъ же другихъ я имѣлъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ (напр. о рук. Евангеліи библіотеки Лаз. Инст. Вост. Языковъ въ Москвѣ). Несмотря однако на ограниченное число рукописей, которыми я занимался, мнѣ всетаки удалось и изъ нихъ извлечь интересныя написанія, представляющія уклоненіе отъ «классическаго канона». Въ связи съ изученіемъ варіантовъ рукописныхъ написаній первостепенное значеніе имѣетъ также *изученіе особенностей отдѣльныхъ орѳографическихъ школъ*; этотъ отдѣлъ армянской филологіи, къ сожалѣнію, почти совершенно не затронутъ.

Еще болѣе матеріала для древнѣйшихъ армянскихъ діалектовъ можно извлечь изъ древне-армянскихъ *надписей*. Но, къ сожалѣнію, изданія ихъ оставляютъ желать очень многаго, вслѣдствіе чего и приходится ограничиваться очень немногими, но за то точными копіями.

Въ заключеніе я не могу не повторить моей глубокой благодарности тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя такъ или иначе содѣйствовали мнѣ при моихъ занятіяхъ какъ въ Закавказьѣ и Москвѣ, такъ и въ Венеціи и Вѣнѣ. Съ особою же признательностью я долженъ помянуть покойнаго заслуженнаго профессора С.-Петербургскаго Университета К. П. Патканова, незабвенной памяти котораго я посвятилъ свой первый трудъ въ области армянской діалектологіи. Труды проф. Патканова, о которыхъ я уже

1) О венеціанскихъ и вѣнскихъ Мхитаристахъ см. мою статью въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ Армянамъ (М. 1897)"—подъ заглавіемъ: *„Двѣ ученыхъ обители"*.

упоминалъ, были для меня первымъ учебникомъ и руководствомъ, когда я началъ заниматься армянской діалектологіей. Могу сказать — эти труды и двинули меня въ эту область армено-вѣдѣнія.

Къ незабвенному Керопэ Петровичу я вправѣ обратиться съ извѣстнымъ стихомъ безсмертнаго тосканскаго пѣвца:

Tu se' lo mio maestro e il mio autore!
(*Dante*, Divina Commedia, Inferno, I, 85).

Итакъ, если покойный проф. Патканов указалъ мнѣ своими трудами путь по которому итти, то пусть его настоящіе преемники и сотоварищи по университету укажутъ мнѣ, насколько вѣрно я иду по избранному пути! Dixi.

Левонъ Мсеріанцъ.

2514-99

77ZZ 000 0

ՀՀ Ազգային գրադարան
NL0007771

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

1. По этимологіи языка клинообразныхъ надписей Ахеменидовъ. Москва 1894. (Отд. отт. изъ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ“ 1894, № 1).

2. Къ интерпретаціи ванскихъ надписей. М. 1896. (Отд. отт. изъ юбилейнаго сборника «Χαριστήρια»).

3. Этюды по Армянской Діалектологіи, ч I. М. 1897. — Къ нимъ: Дополненія и исправленія. М. 1897.

4. Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ и первый годъ его дѣятельности. (Въ „Русской Мысли“ 1897, № 7).

5. Двѣ ученыхъ обители. (Венеціанскіе и Вѣнскіе Мхитаристы). (Въ сборникѣ „Братская помощь“. М. 1897).

6. Древне-армянская литература. Эскизъ Аршака Чобаніанъ; пер. съ франц. (Тамъ же).

7. Новые матеріалы по греческой эпиграфикѣ. М. 1897. (Отд. отт. изъ „Филологич. Обозрѣнія“, т. XIII).

ПРИГОТОВЛЕНО къ ПЕЧАТИ:

Notice sur le dialecte arménien de Mouch. (Рефератъ, читанный на XI Международномъ Конгрессѣ Оріенталистовъ въ Парижѣ).